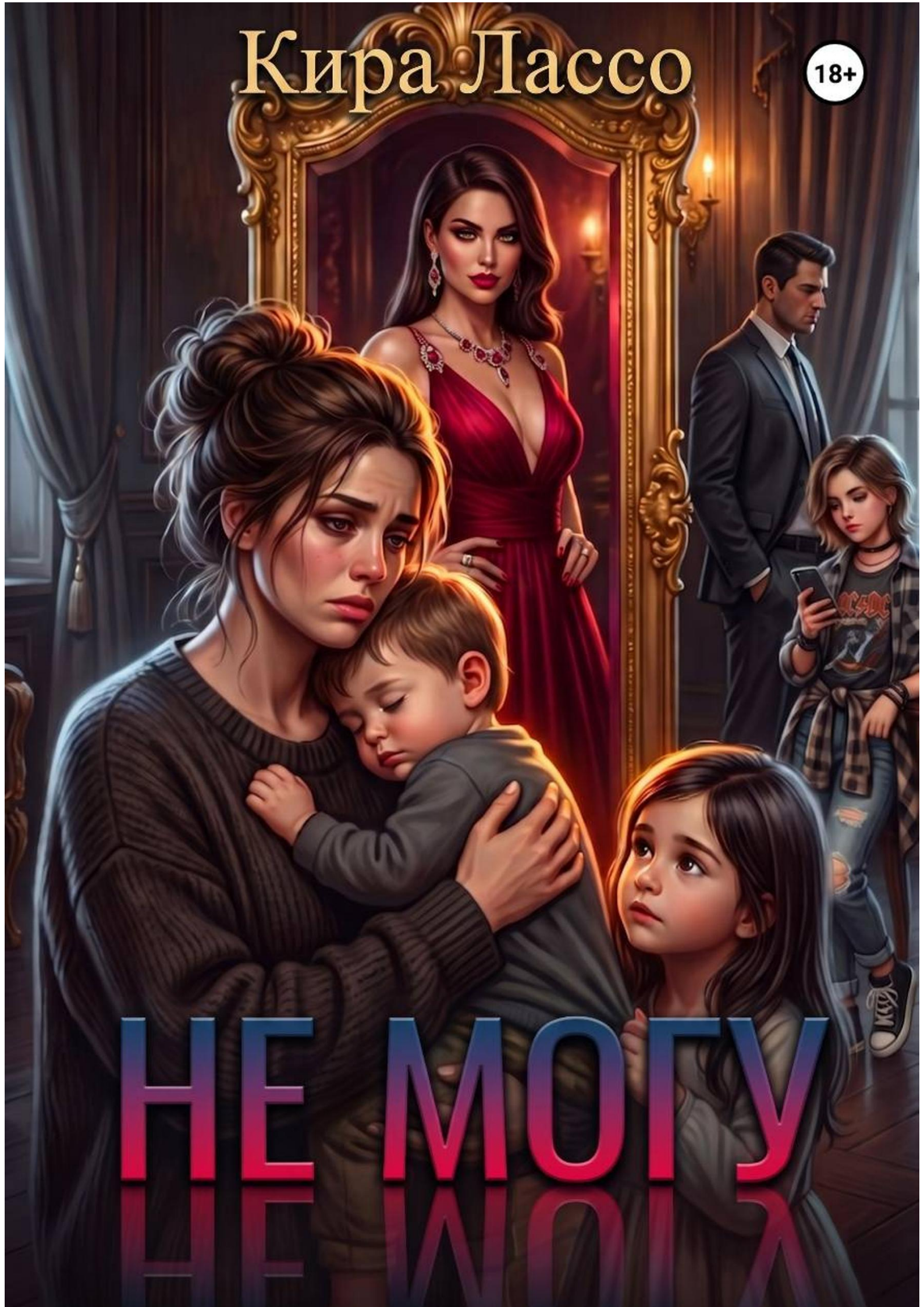

Кира Лассо

18+

НЕ МОГУ
НЕ ВОЛ

Кира Лассо

Не могу

«Автор»

2026

Лассо К.

Не могу / К. Лассо — «Автор», 2026

Возможно ли начать жизнь с чистого листа, когда тебе двадцать восемь, за плечами десять лет удушающего брака, а на руках — трое детей? Для мужа и старшей дочери я давно превратилась в бесплатную прислугу, обязанную отчитываться за каждый чек и греть котлеты по расписанию. А мои мечты о карьере юриста растворились в бесконечной стирке и детских капризах. Я превратилась в уставшую тень. Но однажды чаша терпения переполняется. Больше я не буду удобной. Смогу ли я переступить через страх, забрать детей и сделать шаг в неизвестность, получив свой единственный второй шанс на счастье?

© Лассо К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9

Кира Лассо

Не могу

Глава 1

Пятница, 04.09.2026

Сегодня решила вести дневник. Не могу больше держать все в себе. Я так сойду с ума. Я спряталась в ванной. Включила воду тонкой струйкой, чтобы не слышать, как Владимир ходит по спальне. Если увидит, что я что-то строчу — начнутся вопросы. Опять скажет: «Аня, тебе заняться нечем? Пошла бы лучше белье погладила или детские вещи перебрала».

Кажется все мои дни одинаковые. Вчера. Позавчера. Да и год назад, наверное также было. Не помню.

Подъем в 6:15. На плите убежало молоко для овсянки. Вонь гари по всей квартире. Я схватила тряпку, обожгла палец, выругалась как сапожница и тут же закусила язык. Заскрипела кровать в детской.

Первым проснулся Тёма. Ему три, и каждое утро у нас начинается с войны. Сегодня трагедия мирового масштаба: на синих колготках нарисованы машинки, а ему срочно нужны динозавры. Динозавры мокрые на дне стиралки, потому что вчера вечером у меня просто не хватило сил развесить бельё. Тёма орет дурниной. Он сразу падает на пол, сучит ногами и требует свое. И все советы из книг по детской психологии не работают. Вот интересно, те, кто их писал проверял советы на своих детях? Или они теоретики?

Успокаиваю Тему и варю кофе Владимиру, а еще собираю Ангелину в школу. Ангелок у нас уже взрослая, десять лет. Стоит посреди прихожей, скрестив руки на груди, и с пренебрежением смотрит, как я ползаю по полу за Тёмой.

— Мам, ты мне рюкзак собрала? И где мои новые белые гольфы? Папа сказал, я должна выглядеть с иголочки. Погладь быстрее, я опаздываю.

В ее тоне — ни капли детской мягкости. Копия отца. Я для нее давно превратилась в обслуживающий персонал. Папа — бог, папа зарабатывает деньги, папа дарит дорогие планшеты и исполняет любые капризы. А мама существует для того, чтобы вовремя подавать чистые вещи и убирать тарелки со стола. Обидная правда жизни.

Единственная, кто подошла и обняла меня в этот момент за шею — Полечка. Ей всего пять, но она смотрит на меня такими взрослыми, понимающими глазами, что мне становится стыдно перед самой собой. Погладила меня по щеке своей маленькой ладошкой и тихонько прошептала: «Мамочка, не плачь, я тебе помогу чашки убрать».

Потом проснулся Вова. Вышел на кухню свежий, выспавшийся, в чистой выглаженной рубашке, от него пахнет дорогим парфюмом. Сел за стол, развернул планшет, проверяет отчеты из своих магазинов. У него два крупных салона бытовой техники. Дела идут отлично, доход стабильный, но в семье каждая копейка на строгом учете. Пока пил кофе, проверил чек из супермаркета, который я оставила на микроволновке.

— Аня, это что за кондиционер для белья за четыреста рублей? — ткнул пальцем в строчку. — В прошлый раз брали за двести пятьдесят. Зачем переплачивать? Ты вообще деньги считать умеешь?

Я промолчала. Просто стояла, опустив глаза, и вытирала столешницу тряпкой. Я всегда молчу. Потому что спорить бесполезно — он тут же начнет лекцию о том, как тяжело достается каждая тысяча, пока я «просто сижу дома с детьми».

В восемнадцать лет, когда мы познакомились, мне казалось, что за ним я буду как за каменной стеной. Он был взрослым, уверенным, моим первым и единственным мужчиной.

Сразу после знакомства я забеременела Ангелиной. Университет пришлось бросить — юрфак, горящие глаза, мечты о судах и карьере... Всё это растворилось в пеленках, кастрюлях и бесконечной стирке. Это называется - брак.

А сейчас мне уже двадцать восемь. И сегодня, domывая посуду после ужина, я случайно поймала свое отражение в стекле кухонного шкафа. Сутулые плечи, растянутая футболка, волосы собраны в небрежный пучок, под глазами серые круги. Куда делась та Аня, которая учила кодексы по ночам и верила, что впереди будущее блестящего юриста?

Вечером Владимир закрыл дверь в спальню. Пятница. У него всё по графику — два раза в неделю, без лишних слов и прелюдий. Исполнение супружеского долга. Я лежала на спине, смотрела в потолок на тонкую линию трещины и ждала, когда всё закончится. Он повернулся на бок и уснул через минуту, даже не посмотрев на меня.

А я встала, умылась холодной водой и заперлась здесь.

Сажу на кафельном полу и думаю: неужели это всё? Неужели моя жизнь уже закончилась? А начиналась ли? Почему я не могу быть просто счастливой? Не могу быть желанной? Не могу снова почувствовать себя красивой, живой, настоящей?..

Я больше так не могу.

Глава 2

Суббота, 05.09.2026. 22:15.

Суббота с мужем дома — это в три раза тяжелее обычного буднего дня. В будни он хотя бы уезжает на работу к девяти, и в квартире можно просто дышать.

Вова встал в десять. Развалился на диване в гостиной перед телеком. Ноги на пуфик, в руках пульт. И началось:

— Аня, где мой чай? Чего кружка холодная? Да утоми Тёмыча, у меня голова раскалывается от этого ора! Ты что не можешь его занять? Аня, а чего грязь в доме такая? Ты же целыми днями дома сидишь, неужели трудно тряпкой пройтись?

Обед - снова скандал. Тёма как обычно. Я налила ему куриный суп с лапшой, дала маленькую синюю ложку. Он швырнул ее через всю кухню. Оказалось, нужна была металлическая с вишенкой. Суп разлетелся по обоям, по полу, по моим штанам. Тёма уже орет в истерике на полу. У меня трясутся руки, я ползаю на коленях с тряпкой.

Папочка зашел на кухню, перешагнул через бьющегося сына, безглаголиво посмотрел на меня:

— Ты его распустила. Воспитывать детей вообще не умеешь. Избаловала, он тебе на шею сел. Я в его возрасте уже сам ложку держал и молчал, когда взрослые говорят.

Сказал и пошел обратно на диван. Ни одним пальцем не пошевелил, чтобы помочь. А я уже и ждала.

Ангелина в это время стояла в дверях и снимала Тёму на видео в телефон. Смеялась. Я попросила ее выключить и помочь вытереть стол. Она скривила губы: «Сама убирай, я не твоя домработница. Папа говорит, это твоя обязанность, ты ж безработная». Развернулась и пошла в свою комнату. Ну это просто охренеть. Мне говорили родители, что «Девочка - это твоя помощница на всю жизнь, она всегда за маму будет.» Ну как будто здесь что-то не так. Где-то меня обманули.

Иногда мне кажется, что в этом доме у меня четверо детей. Только самый старший распоряжается деньгами и считает себя вправе указывать остальным, как жить.

Единственная Поля тихонько подошла, принесла сухое кухонное полотенце и молча вытерла мне пятно на коленке. Ничего не сказала. Просто погладила по руке. Я чуть не разревелась.

Понедельник, 07.09.2026. 14:30.

Вчера даже строчки не успела написать. Сил не было вообще. Упала в кровать и отключилась.

Сегодня утром была первая попытка отвести Тёму в детский сад. На адаптацию, всего на два часа. Это был ад.

Он почувствовал неладное еще во дворе. Вцепился мне в подол куртки мертвой хваткой. В раздевалке группы упал на ковер, визжал так, что звенели стекла. Слюни, сопли, слезы ручьем. Я пыталась его переобуть, а он отбивался ногами, заехал мне сандаликом прямо по подбородку. Воспитательница, строгая женщина за пятьдесят, смотрела на меня с неприкрытым осуждением:

— Мамаша, ну что вы стоите сюсюкаете? Оторвите его от себя и уходите. Чем дольше вы мнетесь, тем хуже. Не умеете ребенка к социуму готовить, всё на маминой юбке держите.

Я отдала Тёму воспитательнице, вышла за ворота и пошла в сквер. У меня было ровно два часа.

Села на лавку. Солнце греет, листья шуршат, вокруг тишина. И тут меня накрыло. Я поняла, что совершенно не знаю, что делать. Куда идти? Чем можно заняться? Я сидела и тупо

смотрела рилсы в телефоне. Я разучилась просто быть собой. Без детей и мужа я превратилась в пустое место.

Среда, 09.09.2026. 23:50.

Вечером ездили с Вовкой за покупками. В гипермаркет.

Ангелине он сразу купил беспроводные наушники последней модели за девять тысяч — она просто ткнула пальцем на витрину и надула губы. Владимир расплылся в улыбке: «Для моей принцессы ничего не жалко».

В отделе бытовой химии я увидела гель для душа. Самый обычный, с запахом миндаля и лаванды. За триста двадцать рублей. Мой старый закончился еще две недели назад, и я мылась мылом или детской пенкой Тёмы. Положила флакон в тележку.

На кассе Вова выкладывал товары. Увидел гель, взял в руку, покрутил, нахмурился:

— Это что? Зачем тебе гель за триста рублей?

— Так мой закончился.

— Анют, дома три куска мыла лежит в шкафу. Зачем переводить деньги на эту химию? Ты всё равно целый день сидишь в четырех стенах, перед кем тебе благоухать? Перед кастрюлями?

И демонстративно отставил бутылку. Прямо перед кассиршей и всей очередью. Кассирша хмыкнула. Меня осудила продавщица - жуть! Сзади нас стояла какая-то ухоженная девушка в стильном пальто и с жалостью посмотрела на меня. Было так стыдно. Я готова была провалиться сквозь землю. Опять промолчала. Втянула голову в плечи. Я молча убирала покупки в пакеты.

Все уснули. Я полезла в кладовке искать запасное детское одеяло. Сдвинула коробку со старыми сапогами и нашла пластиковую папку на молнии.

Открыла. Внутри — мои конспекты по гражданскому праву. Второй курс. Мой аккуратный, ровный почерк. Схемы, таблицы, выписанные статьи кодекса. На полях нарисованы маленькие солнышки и написано: «*Аня Титова — лучший адвокат города*». Моя мечта. а сейчас я о чем мечтаю?...

Десять лет. Прошло десять лет. Девочка, которая мечтала выигрывать процессы в судах, сегодня получила выговор у кассы за бутылку геля для душа за триста рублей. Стыд ценой триста рублей.

Я не убрала папку обратно. Спрятала ее на самое дно шкафа под свои старые свитера.

Не знаю зачем. Просто оставила рядом.

Глава 3

Четверг, 10.09.2026. 16:40.

Второй день адаптации Тёмы в садике закончился тем, что меня отчитали прямо на пороге группы.

Я пришла за ним ровно через два часа. Тёма сидел на скамейке в раздевалке в слезах, с красным опухшим лицом и мокрыми рукавами. Воспитательница, сложив руки на груди, смерила меня тяжелым взглядом:

— Мамаша, он у вас совершенно не готов к коллективу. Ложку в руках не держит, игрушки швыряет в других детей, на горшок не просится — только орет. Дома надо ребенком заниматься, а не в телефон смотреть сутками. Десять минут орал без остановки, пока я его в угол не посадила.

У меня всё внутри сжалось. Я не смотрела в телефон. Я три года только и делаю, что бегаю вокруг него. Но я снова стояла, опутив глаза, бормотала какие-то жалкие оправдания и натягивала на рыдающего Тёму ботинки.

Дома стало еще больнее. Тёма уснул от усталости. Поля сидела на ковре и рисовала семью. Я подошла посмотреть. На листе — огромный, красивый папа в костюме с кейсом, рядом нарядная Ангелина в короне принцессы, маленький Тёмка на машинке... и в самом углу листа маленькая, кривая фигурка с серым лицом, синими кругами под глазами и тряпкой в руке.

— Полечка, а это кто? — тихо спросила я, указав пальцем на угол.

Поля подняла на меня свои ясные глазки:

— Это ты, мамочка.

Я ушла на кухню. Мне нечего было возразить. Ребенок видит со стороны все лучше.

Потом достала в шкафу ту самую синюю папку. Открыла лекции по семейному праву. Прочитала страницу, вторую... Мозг помнит термины, как будто вчера это писала. Я помню. Я всё это помню до единого слова. Будто не было этих лет варки каш и глажки чужих носков. Но кому теперь нужны мои знания? Что мне с того, что я помню?

Суббота, 12.09.2026. 23:55.

Унижение. Чистое, жалкое унижение.

Сегодня Вова решил вывести меня «в свет». Позвал поужинать в дорогой ресторан на набережной со своим новым партнером по поставкам техники Игорем и его женой.

Стою перед открытым шкафом. Надеть нечего. Ни одной нормальной вещи. Мои вещи либо малы (да я разжирела после рождения трех детей), выцвели или растянутые с катышками. В итоге надела длинное вязаное синее платье-свитер — бесформенное, мешковатое, которое мне три года назад подарила свекровь. Вот и старость пришла.

Вот мы вошли в ресторан. Я хотела провалиться сквозь землю. Позорище.

Жена Игоря, Кристина, выглядела как с обложки журнала: стройная, обтягивающее шелковое зеленое платье с открытыми плечами, укладка из салона, ненавязчивый макияж, ухоженные руки с тонким бриллиантовым браслетом. Она пахла дорогими духами и уверенностью в себе. Ей двадцать семь — на год младше меня. Но между нами была пропасть величиной в целую жизнь.

Муж не сводил с нее глаз. Мой муж. Весь вечер. Он жадно ловил каждое ее движение, подавал ей салфетки, смеялся над каждой ее глуповатой шуткой, буквально отымел ее взглядом. У него даже голос изменился — стал мягким, вкрадчивым. Таким он со мной не разговаривал с наших первых свиданий в парке.

А я сидела рядом, как чучело в этом дурацком колючем платье, спрятала под стол руки с сухой от моющих средств кожей и молчала.

В середине ужина Кристина повернулась ко мне с вежливой улыбкой:

— Аня, а вы чем занимаетесь? Где работаете? Или, может, у вас свой проект, бизнес?

Я открыла рот, чтобы сказать, что училась на юридическом и занимаюсь детьми, но мой благоверный громко, с пренебрежением перебил меня:

— Какой бизнес, о чем ты? Аня у нас - хранительница очага. Ее работа — уборка дома да чтоб на плите готовились котлеты. На большее у нее нет времени, да и мозги там совсем для другого устроены.

Игорь с Кристиной вежливо улыбнулись. Вова даже не понял, что растоптал меня перед ними. Для него это было просто забавно. Я - шутка.

Есть уже больше совершенно не хотелось. Я уткнулась в тарелку и молчала весь остаток вечера.

Сейчас мы вернулись домой. Вовка как обычно уснул сытый и довольный. А я сижу в темноте на кухне и смотрю на свои руки.

Больно не от того, что он жадный. Больно от того, с каким неприкрытым голодом и восхищением он смотрел на чужую женщину — и с какой легкостью обесценил меня, превратив в бесплатную кухарку, греющую котлеты. Он сам сделал меня такой за десять лет, а теперь брезгует моим видом.

Чаша терпения переполнена. Я не останусь прислугой в этом доме.